

1930

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 2

**ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

VII СЕРИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES**

VII SÉRIE

CLASSE DES HUMANITÉS.

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРИМЕР СТАНДАРТНОЙ ЦИТАТЫ • EXEMPLE DE CITATION

А. А. Грушка. Максим Горький как толкователь Аристотеля. ИОГН, 1930, № 2, стр. 113.

A. Gruška. Maxime Gorki comme interpréteur d'Aristote. BAS-H, 1930, № 2, p. 113 (en russe).

Март 1980 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

И. о. Непременного Секретаря академик *В. Комаров*

Редактор издания академик А. Н. Самойлович

Начато набором в декабре 1929 г. — Окончено печатанием в марте 1930 г.

80 (79—158) стр. (34 фиг.)

Статформат Б₅

Прил. Список новых изданий за январь 1930 г. (5 стр.)

Ленинградский Областлит № 50757. — 5 печ. л. — Тираж 1000

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

КЛАССИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ МОНЕТ ПО РОДОВЫМ ЗНАКАМ

А. В. ОРЕШНИКОВА

*(Представлено академиком С. А. Жебелевым в заседании Отделения Гуманитарных Наук
29 октября 1929 года)*

Моею целью в настоящей работе было обратить внимание на существенную часть древнейших русских монет, которую прежние авторы обходили: родовые знаки на них. Эти «загадочные фигуры» на монетах, являясь признаком древнего русского быта, бросают на него луч света и, в совокупности со знаками такого же характера на других памятниках, здесь упомянутых, может быть, помогут углубиться в мало исследованную область родового быта Киевской Руси.

Всем, знакомым с русскими монетами домонгольского периода по оригиналам или по изданиям, известны знаки, изображенные на одной из сторон всех монет, кроме монет Олега Михаила Тмутараканского. Какое название носят они и для какой цели их помещали на монеты, на этот вопрос исследователи древнейших монет ответа не дали. При сравнительном обилии статей, посвященных древнейшим монетам, вопрос о знаках на них почти не подвергался разработке. Чтобы показать, насколько чужд русским археологам вопрос о подобных знаках, встречающихся не только на монетах, но и на бытовых памятниках, напр. перстнях, приведу такой пример: Н. П. Кондаков в «Русских кладах» (СПб. 1896), стр. 107, рис. 69—73, издал четыре перстня, найденные в Киеве. При поверхностном описании, он указал, что они покрыты орнаментом, исполненным сканью или чернью. Он не заметил, что щитки на перстнях покрыты не орнаментом, а родовыми знаками геометрического характера, некоторые очень сложного. Вопрос о знаках не вполне ясен и теперь. Решать его я не берусь, но в нижеследующих строках сделаю попытку подойти к решению вопроса и представляю

на рассмотрение новые памятники со знаками, которые, может быть, помогут будущему исследователю древнейшего русского родового быта разъяснить вопрос о знаках. Не буду касаться родовых знаков с той точки зрения, которая интересовала наших исследователей, т. е. какую фигуру изображает каждый знак, предоставляя решить этот вопрос другим.

Гр. И. И. Толстой в монографии «Древнейшие монеты вел. княжества Киевского» в гл. III, посвященной объяснениям, данным разными авторами, «загадочной фигуры на монетах вел. князей Киевских», приводит лишь мнения авторов, старавшихся объяснить, что изображают фигуры, но ни один из них, кроме Куника, не дает научного объяснения подобным знакам. Куник высказывает предположение, не представляет ли фигура семейного знамени, фамильного знака; такие родовые знамена возникали из знаков собственности, которые у языческих государей одновременно заменяли печать; назывались они хирографами. Мнение Куника не получило дальнейшей разработки, и Толстой, отметив его в своей монографии (стр. 182—186), позднее (см. Русские древности, издаваемые гр. Толстым и Кондаковым, вып. IV, 1891 г., стр. 172) говорит, что разрешение загадки придется искать в области восточного орнамента, что некоторые изображения цветка, встречаемые в растительных украшениях восточных рукописей, очень может быть, имеют ближайшее отношение к первому русскому гербу, заимствованному, в таком случае, с востока.¹ Не буду приводить других мнений «о загадочных фигурах»; они перечислены в моей заметке «Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах» (Археол. Изв. и Зам., 1894, № 10, стр. 301 сл.). Из разнообразных объяснений, предложенных «загадочным фигурам», мы видим, до каких, иногда невероятных, толкований доходили авторы. Н. П. Бауер в своей статье «Древнерусский чекан» (Изв. ГАИМК, т. V) говорит следующие, не совсем ясные для меня, слова: загадочный знак, пока он еще только загадочный знак, не может быть выдвинут в качестве аргумента против того, что никогда не было загадочным и что стало вероятным после совместной работы в течение целого столетия немецких, скандинавских, западнославянских и русских ученых.

Неуспешность разработки вопроса о «загадочных фигурах» кроется, по моему мнению, в том, что наши древнейшие монеты по внешнему виду

¹ В своем докладе на VI археологическом съезде в Одессе «Знамя первых наших христианских великих князей» (см. Труды VI съезда, т. I, стр. 268 сл.) Толстой говорит, что разгадку нужно искать не в одной византийской археологии, но вопроса сам не решает.

их оборотной стороны стоят особняком во всей средневековой нумизматике Европы. Если бы аналогичные фигуры изображались на европейских монетах, то западные ученые, может быть, указали бы тот путь, по которому следует подходить к объяснению подобных знаков. Что представление о родовых знаках чуждо и западным нумизматам, можно судить по описанию монеты Ярослава собрания Берлинского Музея известным нумизматом А. Заллетом в его прекрасном по содержанию и изложению труде «*Münzen und Medaillen*» (Berlin, 1898), где, при описании оборотной стороны Ярослава серебра, он говорит: это не вполне определенная фигура, объясняемая, как знамя (Fahne).

Верный, по моему мнению, подход к пониманию знаков у нас был сделан не нумизматом, а этнографом П. М. Сорокиным, статистиком Вятского губернского земства. В 1894 г. им была прислана в Московское Археологическое Общество статья «О загадочных изображениях на монетах Владимира св. и его сыновей»; статья была в сокращении изложена в том же году в «Археол. Изв. и Зам.», № 10, стр. 301. Автор говорит, что древний княжеский быт недалеко уходил от быта простого народа того времени; как князь, так и смерд имели одинаковое богатство — «жизнь», т. е. скот, борти пчел и т. д. На предметы своего богатства как тот, так и другой клали знак, означающий их собственность. Если существование княжеских гербов, пишет Сорокин, в форме резов, пятен, знамени, впоследствии тамги, в эпоху чеканки наших монет, несомненно, то несомненно, что правила употребления тамг, примененные на всей собственности князей, должны были распространиться и на монету. Далее Сорокин говорит, что те причины, которые заставили придумать резы и тамги в отдаленную эпоху, сохраняют свое значение в крестьянстве и поныне, напр. в Вятской губ., преимущественно у местных племен, у которых еще сохранилось родовое начало, у вотяков. Племя вотяков разделяется на несколько десятков родов, и каждый род имеет свое прозвище и своеобразный знак собственности пус (у других племен он называется пас). Этот родовой знак составляет основу знаков у отдельных хозяйств, разнообразясь в частных случаях прибавками, делаемыми по строго соблюдавшимся правилам. Таким образом, основной знак, дав начало новым, мог изменяться до неузнаваемости. Постороннему наблюдателю иногда трудно разобраться в вотских пусах, но для членов рода это не затруднительно: для нанесения сложного знака сначала наносится основной знак, а затем прибавка по их старшинству.

Изложив принцип знаков у вотяков, Сорокин говорит, что применить его при господстве родового начала в киевско-русскую эпоху и у князей и у народа, представляется вполне вероятным, т. е., выражаясь конкретнее, князь метил своим знаком все свое богатство, в том числе и монету, как собственность. Далее автор говорит о применении этого принципа к родовым знакам на монетах (по классификации Толстого) св. Владимира и его сыновей Ярослава и Святополка, ставя в основание знак на монетах Владимира, знаки же его сыновей имеют в основе знак их отца, но с видовыми изменениями. В своих дальнейших рассуждениях Сорокин противоречит себе, помещая в основу сложные знаки Владимира, Святополка по классификации Толстого (фиг. 7 и 19 на помещенных здесь табличках), в конец же более простой знак Ярослава III типа (фиг. 2—4 на табличке). Неодинаковость знаков на монетах Ярослава по классификации Толстого Сорокин объясняет тем, что Ярослав, сделавшись из удельного князя великим князем, изменил родовой знак.

К тому же вопросу о родовых знаках обращался И. В. Лучицкий. В статье «По поводу Дрогичинских древностей»¹ он пишет, что у большинства народов во все времена употреблялись для обозначения собственности известного лица на данный предмет знаки, которые, в громадном большинстве случаев, носили геометрический характер. Такие знаки, по показаниям западных ученых, назывались домовыми или дворовыми знаками (Hofmarken, Hausmarken) и составляли наследственную принадлежность данного рода или семьи, передавались по наследству и могли быть усвоены посторонним лицом лишь с разрешения соседей, позднее государства или городского управления. Далее автор знакомит с теми видоизменениями, которые получает знак при переходе его от одного лица к другому; видоизменения были очень простые: если знак имел форму N, но с удлиненною вертикальною чертою, то у наследника длинная черта перечеркивалась; такой пример дает родовой знак на пломбе фиг. 32 нашей таблички; приведенный пример видоизменений у германцев имеет много общего с видоизменениями знаков у вотяков. Подобные видоизменения можно видеть на знаках пломб нашей таблички (см. фиг. 28—31).

Лучицкий говорит, что знаки у германцев имели два типа: один в виде геометрических начертаний, другой состоял из фигур, напр. человеческого

¹ Чтения в Историч. О-ве Нестора Летописца, кн. 6, Киев, 1892 г., стр. 82 сл.

лица, зверей, птиц, орудий всякого рода и т. д. Позднее, с развитием торговой и промышленной деятельности, дворовые знаки (Hofmarken) подверглись существенным изменениям и превратились в домовые знаки (Hausmarken), т. е. перешли из родовых в личные знаки.

Допуская, что те же принципы образования разных форм родовых знаков, как у современных вотяков или у средневековых германцев, существовали также у первых Рюриковичей, мы должны были бы искать основной знак простейшей формы у кого-либо из первых князей династии Рюрика, но сделать этого пока, за неимением материала, мы не можем. На тех знаках, которые сгруппированы на наших фиг. 1—24, мы видим, что основной, первоначальный, знак заметен, но у прочих, начиная с 25 по 27 включительно, считая их также принадлежащими Рюриковичам, основного знака, ясно выделяющегося на первых 24, видеть нельзя; особенно новыми формами выделяются знаки 25, 26 и 27.

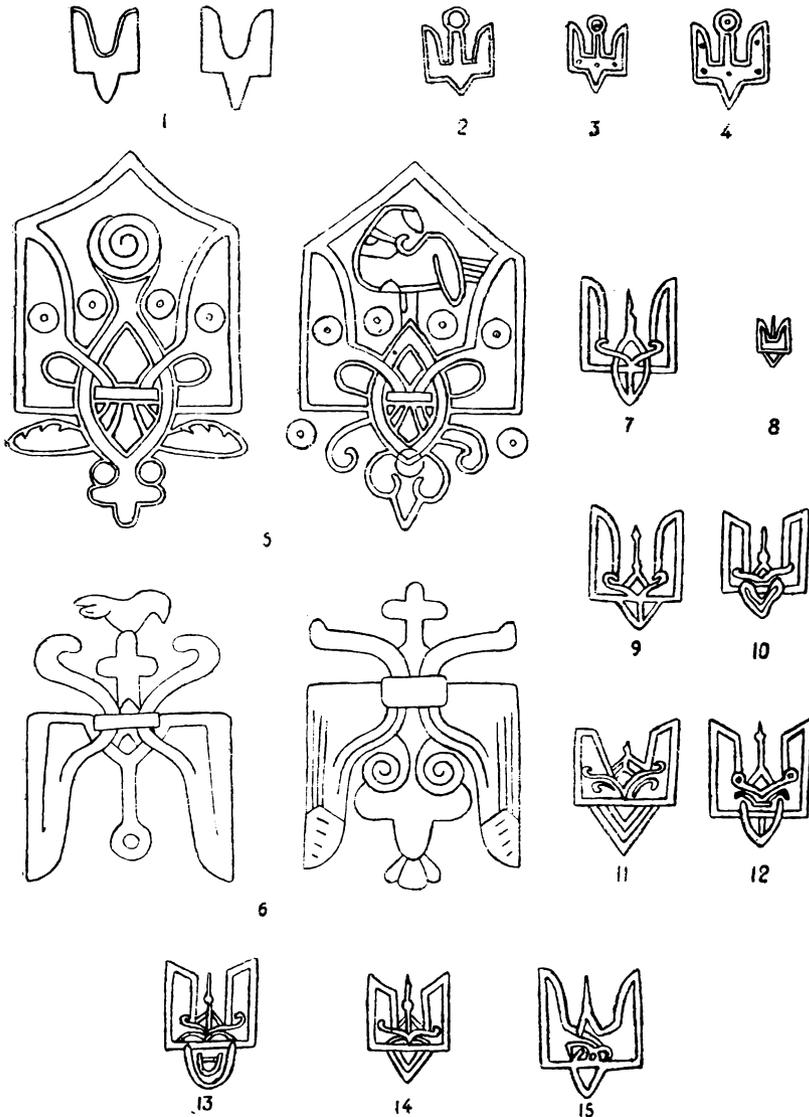
Из рассмотренного вытекает вопрос, как должны мы называть наши знаки на обеих табличках — родовыми или личными? В трех группах знаков (фиг. 1—24), которые я далее буду рассматривать, можно заметить общие черты в формах, и я назвал бы их родовыми знаками Рюриковичей; но знаки на фиг. 25, 26, 27 и 33, которые так резко отличаются от предыдущих, принадлежа в то же время княжеским печатям, я назвал бы личными или знаками другой ветви Рюриковичей. Конечно, находки новых материалов по знакам, напр. родовых знаков князей Полоцких, Галицких и других, могут высказанные мною предположения изменить.

Главною помехою для определения древнейшего знака на монетах служит неопределенность монет. Кроме сребреника Ярослава Мудрого ни одна монета не может быть с достоверностью отнесена тому или другому князю; поэтому, чтобы ближе подойти к решению вопроса, необходимо рассмотреть в совокупности весь материал по знакам, который нам дали монеты, присоединив к нему знаки на привесных княжеских печатях и на предметах быта, к которым я отношу товарные пломбы. В «Русских монетах до 1547 г.», стр. 2, рис. 1, мною изданы главные типы знаков, которые, вместе с прочими, вошли на прилагаемые две таблички. При рассмотрении табличек, все знаки, на глаз, распределяются по группам, причем каждая группа носит особый характер; в определении старейшего представителя каждой группы и в выявлении построения разновидностей знаков в группе должна состоять наша задача.

Прежде чем рассматривать каждое изображение на табличках, я должен сказать, что в вопросах монетной хронологии я не следую И. И. Толстому, а держусь другого мнения, которое будет предметом особой статьи. Чтобы мое нижеследующее изложение было понятнее, изложу свой взгляд вкратце. Первые русские монеты я считаю чеканенными в Великом Новгороде Ярославом Георгием Владимировичем на основании находок серебра Ярослава в районе Новгорода и отсутствия такового в районе Киева. Чеканку монет отношу к тому времени, когда Ярослав княжил в Новгороде до смерти св. Владимира, его отца. Первый, высказавший мнение о чеканке Ярославом монет в Новгороде, был Н. П. Чернев (Заметки о древнейших русских монетах, стр. 75), затем А. А. Ильин (Топография кладов древних русских монет X—XI в., стр. 6). Мы пока не имеем вещественных данных судить, чеканил ли Ярослав монеты в Киеве, заняв киевский стол, так как находок монет Ярослава в Киеве не обнаружено, о монетах же его преемников скажем ниже, рассмотрев знаки на обеих табличках, расположенных не хронологически, а по группам.

Знаки на табличках взяты с монет, привесных княжеских печатей и с известных мне бытовых памятников. По формам все знаки я разделяю на группы, кроме последних семи (фиг. 28—34), принадлежащих товарным пломба, о которых будет сказано особо. В основу ставлю первую группу, как наиболее простую, единственным представителем которой является знак на монетах Ярослава Георгия Владимировича (фиг. 2—4), называемый гр. Толстым хоругвью. Не решаюсь дать ему такое определенное наименование и назову для краткости, по наружному его виду, трезубцем. На нашей таблице видим три знака: первый (фиг. 2) находится на сребреннике собр. Н. П. Лихачева (табл. LIII, 16, Альбома к «Материалам для истории византийской и русской сфрагистики»). Знак не имеет никаких кружечков в лопастях трезубца, как на прочих; на сребреннике, кроме того, отсутствует слово АМНН, видимое на краях оборотных сторон других известных сребренников Ярослава Толстой (Труды VII Археолог. съезда в Ярославле, т. II, «Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике», стр. 80) объясняет это слово, как заключительное к молитвенному обращению к богу, богоматери или к святым покровителям собственников печатей, и в доказательство приводит ряд византийских печатей VII—XI вв., изданных Шлумверже в *Sigillographie*, на которых в конце обращения к богу о помощи такому-то стоит АМНН. Но на сребренниках Яро-

слава никакого молитвенного обращения к св. Георгию не находим, и Толстой, видя несоответствие слова АМНН с надписью Ярославле серебро, объясняет это, как перенесение его с печати, послужившей оригиналом лицевой стороне

монеты, на которой, т. е. печати, находилось слово АМНН. Такое механическое перенесение слова допустить возможно, но всегда ли еврейское слово аминь (истинно верно) означало подтверждение молитвенного обращения? В том же труде Шлумберже (стр. 433 сл.) издана печать архонта

Диоклеи (в Черногории) Петра с надписью: + ΠΕΤΡΟΥ ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΔΙΟΚΛΙΑ(С) ΑΜΗΝ. Относится ли последнее слово к монограмме околоизображения богоматери на лицевой стороне и читаемой Шлумберже как *Θεοτόκε βοήθει*, или оно относится к надписи оборотной стороны, как подтверждение принадлежности печати архонту Петру? Последнее мне казалось бы более верным, и тогда понятно будет значение слова аминь на сребрениках Ярослава, подтверждающее как личный знак князя, так и самую надпись «Ярославле сребро».

Второй знак, фиг. 3, находится на литом медном экземпляре, принадлежавшем академику Кунику; происходит он из колл. Данненберга (Толстой, Древн. монеты в. к. Киевского, табл. 13, рис. 6). Подобные два медные литые экземпляра собрания Берлинского Музея куплены вместе с 19 византийскими монетами в 1855 г. в Кёльне. Особенность знака та, что в обеих лопастях, также в круге среднего зубца, находятся четыре кружечка. Оригинал сребреника, с которого литы экземпляр Куника и оба Берлинские, неизвестен.

Третий знак на фиг. 4 находится на сребренике б. собрания гр. С. Г. Строганова (теперь в Гос. Эрмитаже); он имеет то отличие от остальных, что на всех зубцах находится шесть маленьких кружечков (Толстой, ук. соч., табл. 13, рис. 1). Разница между знаками выражается кружечками, которые, может быть, являются дифферентами, помещаемыми на монетах их чеканщиками для отличия одного выпуска монет от другого; но возможно, что кружечки в родовых знаках имеют другое значение, которое я объяснить не могу; на некоторых издаваемых на табличке (фиг. 20, 21 и 25) знаках с перстня и привесных печатей видим такие кружечки.

Знак Ярослава я усматриваю на двух замечательных бытовых памятниках, бронзовых привесках; одна из них (фиг. 5) принадлежит собранию Н. П. Лихачева, имеет шестиугольную форму и ушко для подвески. Происходит она из киевских находок и издана в Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева (табл. LIII, 1). На обеих сторонах привески изображено по знаку, сходному со знаком серебра Ярослава, но пышно орнаментированных и, кроме того, на одном знаке верхнюю часть среднего зубца венчает птица, на другом вместо птицы спиральный завиток. Тот же знак Ярослава находится на обеих сторонах другой привески четырехугольной формы с округлыми сторонами (фиг. 6) из собрания Гос. Эрмитажа. Найдена она в Белгородке близ Киева, и издана в том же Альбоме Н. П. Лихачева.

(табл. LIV, 4). Оба знака второй привески обращены остриями вниз; это указывает, что положение знака остриями вверх было необязательно. Орнамент знаков на эрмитажной привеске, сравнительно с предыдущей, скромнее; верх одного знака увенчан птицею, сидящею на четырехконечном кресте, на верху другого — четырехконечный крест. Эрмитажная привеска очень потерта, что указывает на ее долговременное ношение. Какое назначение было обеих привесок, сказать не могу, но судя по помещению на них княжеского родового знака, привески носили официальный характер.

Рассматривая общий характер структуры знака Ярослава и руководясь принципом построения родовых знаков, о котором я выше сказал, думаю, что он, по своей относительной сложности, прототипом служить не мог, но образовался из более простого. Знак св. Владимира, отца Ярослава, неизвестен, но он был проще и должен был иметь общий характер со знаком его сына. На табл. LIV, рис. 14, Альбома к «Материалам» Н. П. Лихачева изображена привесная свинцовая печать с одинаковыми изображениями знака в виде двузубца на обеих сторонах и с надписями вокруг знаков, не поддающимися для меня прочтению. Оба знака изображены на фиг. 1 нашей таблички. Возможно, что знак св. Владимира имел сходство с издаваемыми на фиг. 1.

Ко второй группе я отношу все знаки с их разновидностями, изображенные на фиг. 7—15 таблички. Несмотря на кажущуюся одинаковость всех знаков второй группы, в действительности их можно разделить на столько вариантов, сколько имеется разновидностей лицевых сторон сребреников, правильно распределенных у Толстого. Некоторые отклонения в деталях знаков можно заметить на знаках монет Владимира второго типа по классификации Толстого, особенно если будем рассматривать все 37 экземпляров монет этого типа, изображенных в монографии Толстого (фиг. 9 нашей таблички); но эти отклонения не изменяют общего характера знака.

После Ярослава Мудрого потомство Рюрика разделилось на несколько родов. Которому же из всех родов можно приписать знаки нашей второй группы? На этот вопрос, ставя в основание форму знака, можно ответить так: простейший знак этой группы должен быть наиболее старым. Из таких я указал бы на схематически исполненный знак над плечом князя на сребрениках и златниках Владимира с изображением Христа на обороте (фиг. 8 нашей таблички). Схематичность рисунка знака затрудняет указать, какой знак из всей второй группы он воспроизводит, но предположительно можно

указать на наиболее простой, находящийся на сребрениках Владимира, относимых Толстым св. Владимиру IV типа его классификации (фиг. 7 нашей таблички). Надпись на монете «Владимир на столе» точно называет князя, чеканившего монету, а продолжение надписи на обороте «а се его сребро» утверждается, как княжеская собственность, родовым знаком князя. Относительная сложность этого знака сравнительно со знаком Ярослава, т. е. первой группы, не позволяет относить знак ранее Ярослава, т. е. первой группы, к св. Владимиру; следовательно, приходится искать другого князя с этим именем, и единственный князь, носивший его, мог быть только Владимир Всеволодович Мономах, так же, как св. Владимир, получивший при крещении имя Василия. Сребреник с именем Василия издан в монографии Толстого под № 32. Таким образом, родовой знак на фиг. 7 нашей таблички, воспроизводящий, по моему предположению, схематический рисунок фиг. 8 таблички, должен принадлежать тому же князю, т. е. Владимиру Мономаху. Здесь необходимо припомнить, что Владимир Мономах занимал столы и Черниговский и Киевский. В Чернигове, по исследованию Зотова (О черниговских князьях, стр. 250—251), Владимир княжил дважды: в 1076—1077 гг. и вторично с 1078 по 1094 г. Киевский стол Владимир занимал после смерти Святополка Михаила с 1113 г. по 1125 г., год своей смерти. Если принять во внимание, что Владимир Мономах занимал столы в Чернигове в течение 14 лет и в Киеве около 12 лет, то возможно, что он чеканил монеты в обоих княжествах, но какие типы принадлежат Чернигову, какие Киеву, об этом свои соображения подробнее приведу ниже. Казалось бы, самое верное разрешение этого вопроса должны дать находки кладов. Судя по находке в Киеве значительного клада монет Владимира с типом Христа на обороте (А. А. Ильин. Топография кладов, № 8), эти монеты должны быть отнесены к киевской чеканке, но утвердительно этого сказать нельзя, так как мы не знаем обстоятельств зарытия клада; может быть, он был принесен его владельцем из Чернигова, после бегства оттуда, и зарыт в Киеве; то же можно сказать и про Нежинский клад, время и обстоятельства зарытия которого неизвестны, а потому нельзя утверждать, что князья, чеканившие монеты Нежинского клада, были Черниговскими князьями, как то думает Чернев (Заметки, стр. 164). Остальные семь знаков второй группы довольно сходны на взгляд между собой и разнятся один от другого деталями в нижней части каждого знака; однако, общее сходство их заставляет меня отнести все знаки (фиг. 7—15 на табличке) к одному князю.

Рассмотрим каждый знак в отдельности.

Фиг. 9 взята с монеты, относимой Толстым св. Владимиру II типа его классификации. Родовые знаки этого типа, изданные Толстым, имеют отклонения в подробностях завитков на некоторых сребрениках: напр., родовой знак монеты № 27 монографии Толстого, изображенный у него на табл. 2, рис. 6, совершенно тождествен со знаками монет Владимира IV типа классификации Толстого (на нашей табличке фиг. 7). Такой же родовой знак, сходный с нашим на фиг. 7, находится на монете, относимой Толстым св. Владимиру II типа, изданной в его «Древнейших русских монетах X—XI в.», табл. XIII, 4. Какому же князю принадлежат сребреники II типа классификации Толстого? Автор относит их св. Владимиру, но с таким определением не согласен Чернев (Заметки, стр. 20); имени Владимира он не читает, но своего чтения не дает, относя, таким образом, все монеты II типа к числу неопределенных. Рассматривая наиболее сохранившиеся экземпляры этого типа, изданные Толстым в обоих его трудах, видим очень грубую работу лицевой стороны с изображением князя и надписи, представляющей набор букв, смысл которых трудно понять; только на лучшем экземпляре этого типа, изданном Толстым в «Древн. русск. мон. X—XI в.», табл. XII, рис. 21—22 (описание на стр. 46), можно усмотреть стремление малограмотного резчика матрицы изобразить имя Владимира, что же касается родового знака, то он приближается, а на некоторых даже одинаков с родовыми знаками сребреников, относимых мною Владимиру Мономаху (фиг. 7 нашей таблички), поэтому я отнес бы Владимиру Мономаху весь выпуск монет с именем Владимира II типа по классификации Толстого, плохо исполненных с технической стороны неумелым художником.

Фиг. 10 взята с найденного в Борисполе сребреника Владимира III типа классификации Толстого (находится в Историческом Музее); издан в «Русск. мон. до 1547 г.» № 3а; в монографии Толстого описан под № 67.

Фиг. 11 взята со сребреника III типа Толстого; описан под № 65 его монографии, изображен на табл. 2, рис. 23.

Фиг. 12 взята со сребреника III типа Толстого; описан им под № 60 монографии, изображен на табл. 2, рис. 21.

Фиг. 13 взята со сребреника III типа Толстого; описан под № 56 его монографии, изображен на табл. 2, рис. 18. Этот тип, по словам Толстого, чеканен на сребренике Владимира II типа его классификации.

Фиг. 14 взята со сребренника III типа Толстого; описан им под № 47, изображен на табл. 5, рис 9.

Все знаки, изображенные на фиг. 10—14 нашей таблички, имеют много общего между собою; отклонения на них в нижней, выдающейся, части видим на рисунках, но лицевая сторона с портретом князя на седла-лице с высокой спинкой изображает на всех экземплярах одно лицо. Из этого наблюдения я делаю вывод, что резчики родовых знаков не наблюдали строго за точностью рисунка знака, а варьировали по своему усмотрению в нижней его части.

На основании рассмотренного материала по знакам на фиг. 7—14 можно высказать такое заключение: все монеты с этими знаками носят имя Владимира. Но которого? Принимая во внимание общий характер родовых знаков на монетах с именем Владимира, монеты должны принадлежать одному князю Владимиру Мономаху, занимавшему, как я выше сказал, столы Черниговский и Киевский в течение более 25 лет. Чернев относит (Заметки, стр. 65) все сребреники Нежинского клада с именем Владимира, по месту их находки, вел. князю Черниговскому Владимиру Давидовичу (1139—1151). Против такого определения нельзя было бы возразить, если бы сребреники нашей второй группы не имели общего родового знака, принадлежащего, по моему наблюдению, Владимиру Мономаху. Вел. кн. Черниговский Владимир Давидович должен был иметь свой родовой знак, который, без сомнения, отличался от знака Владимира Мономаха.

На фиг. 15 нашей таблички изображен знак, по внешности сходный со знаками на сребрениках, относимых мною Владимиру Мономаху. Он взят со сребренника, относимого Толстым Святополку Окаянному; сребренник описан в монографии Толстого под № 101, изображен на табл. 9, рис. 6. Все изданные сребреники с именем Святополка имеют знак, изображенный на фиг. 19 нашей таблички, сребренник же Святополка, описанный Толстым под № 101 (из собр. Киевского университета), впервые изданный Волошинским (Описание древн. русск. монет, принадлежащих... университету св. Владимира. Из числа найденных близ Нежина в 1852 г., № 28), имеет знак, как я сказал, сходный со знаками на сребрениках с именем Владимира; особенно приближается он по сходству к знаку на сребренике, изображенному на табл. 10, рис. 11, монографии Толстого (Владимира, II типа его классификации). Это несоответствие замечено самим автором монографии, который (стр. 181) объясняет его неуклюжим мастерством чекан-

щика, по ошибке впавшего в анахронизм и придавшего изображаемому предмету (в данном случае родовому знаку) форму, несоответствовавшую его эпохе. Но я иначе понимаю появление монеты со смешанными сторонами. С первого взгляда самый факт появления сребреника № 101 монографии мне рисовался так: лицевая его сторона имеет изображение Святополка, обратная — родовый знак Владимира; такое сочетание сторон на монете, принадлежащей двоим князьям, могло случиться только в том случае, если у них монетный двор был один, и правление одного князя следовало за правлением другого; при чеканке сребреника нового князя, в данном случае Владимира Мономаха, чеканщик взял ошибкою матрицу лицевой стороны предшествовавшего князя Святополка, а для обратной взял матрицу с родовым знаком нового князя Владимира Мономаха. Но такому, казалось бы логическому объяснению типа противоречит следующее соображение: по наблюдению Толстого (стр. 190 его монографии) им усмотрен один сребреник Святополка, перечеканенный из сребреника Владимира, II типа его классификации; применяя этот факт к моему толкованию обоих князей, чеканивших сребреники, выходит, что Владимир Мономах княжил в Киеве ранее Святополка Михаила, чего допустить решительно нельзя, но, припоминая, что Владимир Мономах княжил в Чернигове почти в те же года, когда в Киеве княжил его отец Всеволод Андрей (1078—1093), он мог для своего княжества чеканить монету и именно того типа, который назван Толстым II типом Владимира. Возможно допустить, что монетный двор Мономаха, как князя Черниговского, находился в Киеве, стольном городе его отца. С вокняжением Святополка Михаила выпуск монет Владимиром для Чернигова, повидимому, прекратился.

Я позволю себе распространить мои соображения о чеканке монет для Черниговского княжества еще далее: перечеканки сребреников, замеченные Толстым (назв. соч. стр. 190) на всех первых трех типах монет Владимира его классификации, заставляют меня высказать предположение, что все сребреники трех типов чеканены Владимиром Мономахом, когда он был князем Черниговским, а с занятием им Киевского стола чеканились сребреники IV типа по классификации Толстого; в промежутке же тех лет, когда занимал Киевский стол Святополк Михаил, Владимир для Чернигова, как я выше сказал, монет не чеканил. Со смертью Мономаха чеканка монет в Киевском княжестве, повидимому, прекратилась, по крайней мере монет князей, следовавших за Владимиром Мономахом, пока еще не найдено.

К той же второй группе я отношу знаки на двух обломках кирпичей (фиг. 16 и 17). Один найден в Киеве при раскопках Хвойки в усадьбе Петровского в 1907 г., издан при статье К. Болсуновского «Родовой знак Рюриковичей Великих Князей Киевских», Киев, 1908, и проф. Грушевским в «Иллюстрированной истории Украины», СПб. 1913, стр. 72, рис. 72. Другой найден в 1908 г. в Киеве при раскопках в усадьбе Десятинной церкви; издан в Отчете Археологич. Ком. за 1908 г. (СПб. 1912), на стр. 138, рис. 198. Княжеский родовой знак на обожженных кирпичах не может ли показать, что производство кирпича в Киеве принадлежало князю и, как богатство князя, клеймилось его родовым знаком?

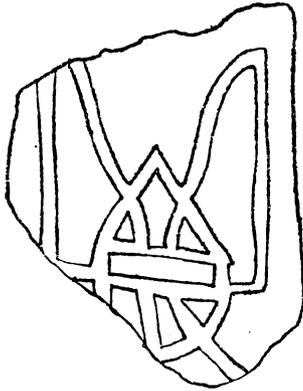
В третьей группе находятся знаки на монетах, изображенные на фиг. 18 и 19 таблички, и знак на щитке серебряного перстня (фиг. 20). К той же группе необходимо присоединить неизображенный здесь знак, находящийся на единственном сребренике, относимом Толстым к Ярославу I типа. Монета описана в его монографии под № 102, оборотная ее сторона изображена на табл. 4, рис. 17. Знак на ней тождествен со знаком на сребренике Святополка (фиг. 19 нашей таблички), только вместо креста между лопастями находится неясный значек.

Знак на фиг. 18 таблички взят со сребреника, отнесенного Толстым к Ярославу II типа; в его монографии описан под № 104 сл., изображен на табл. 4, рис. 18; отклонений на прочих, описанных у Толстого, знаках нет.

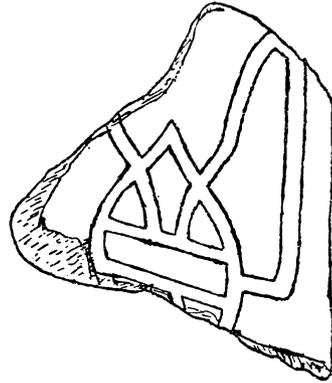
Знак на фиг. 19 таблички взят со сребреника, отнесенного Толстым к Святополку Окаянному. Описан в его монографии под № 83 сл., изображен на табл. 4, рис. 6. На знаках сребреников Святополка встречаются отклонения в нижней их части, но общего характера они не изменяют.

Знак на фиг. 20 таблички взят со щитка на серебряном перстне собрания Исторического Музея; перстень издан в «Археологических Известиях и Заметках» 1894 г., на стр. 310. Схематический рисунок знака, вырезанный в обратную сторону, имеет много общего со знаком на фиг. 21 таблички, с привесной печати, относимой Н. П. Лихачевым вел. князю Всеволоду Ольговичу Черниговскому. Возможно думать, что перстень принадлежал одному из князей рода Святослава Черниговского XII в. Не является ли перстень одним из тех хирографов, которые получали послы или гости для удостоверения их личности пред государем, к которому они были посланы (см. письмо А. А. Куника к И. И. Толстому, напечатанное в монографии последнего на стр. 182—186)?

Здесь кончаются родовые знаки, данные монетами. Перейду к надписям на каждом из трех последних сребреников. Начну со знака на сребреничке, не изображенном здесь. Как я выше сказал, он сходен со

16

17

18

19

20

21

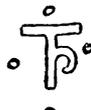
22

23

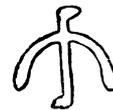
24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

знаком Святополка, но без креста между лопастями, замененного неясным значком, в котором Толстой (стр. 55 его монографии) видит букву Р с черточкой под нею. Надпись слева Толстой читает ГЄГІОС (т. е. ГЄΩΡΓІОС), справа видит ту же надпись, но снизу вверх. На обороте монеты надпись читается Толстым ОГЄОРГІОС. Сребреник известен в единственном экзем-

пляре; издан Толстым дважды: 1) в монографии под № 102, изображен на табл. 3 и 4, рис. 17, и 2) в «Древнейших русских монетах X—XI в.», стр. 54 сл., изображен на табл. XIII, рис. 21—22. Чернев издал его также дважды: 1) в «Заметках» без рисунка, стр. 39 сл. и 2) в «Сборнике снимков с предметов древности», вып. 3 и 4, стр. 21, с рисунком на табл. 11, фиг. 5. Н. И. Петров о сребренике упоминает в статье «Монеты вел. кн. Киевского Изяслава Ярославича (1054—1078)», напечатанной в «Трудах IX археологического съезда в Вильне», стр. 110, и, наконец, А. А. Ильин в «Топографии кладов древних русских монет X—XI в.», на стр. 8, упоминает о сребренике и дает изображение на таблице. Все авторы, кроме Толстого, читают на лицевой стороне не ГЕГИОС, а ПЕТРОС; к этому чтению присоединяюсь и я. Какой князь, носивший христианское имя Петра, подразумевается на сребренике, ни один автор, кроме Н. И. Петрова, не определяет. Петров рассматривает сребреник Ярослава I типа в связи со сребрениками Ярослава II типа, читает на них имена Дмитрия и Петра и относит их в. к. киевскому Изяславу Дмитрию Ярославичу и его сыну Ярополку Петру.

Фиг. 18 таблички взята с одного из сребреников, относимых Толстым Ярославу II типа; наиболее отчетливый экземпляр изображен в монографии Толстого на табл. 9, рис. 12. Автор читает на обеих сторонах сребреника имя Георгия, написанное, по его мнению, в искаженном виде ġġġ, геур, гюргии. Чернев в «Заметках», (стр. 39 сл.) разбирает чтения надписей Толстым, не признавая ни одного его чтения правильным, но сам восстанавливает только надпись на сребренике Ярослава I типа, читая, как я выше сказал, вместо Гегіос, Петрос. В другой статье, «О нежинских сребрениках с именем Петр» (Сборник снимков, вып. 3—4, стр. 21), он пытается прочесть полнее надписи на сребрениках обоих типов Ярослава и на первом предположительно восстанавливает надпись О(АГІОС)АПОСТОЛОС ПЕТРОС, а на втором, руководясь приводимым им мнением Н. И. Петрова, видит в надписи искаженное неумелым резчиком имя Дмитрий; но каких князей подразумевает он под этими именами, на это он ответа не дает. Определенный ответ дан Н. И. Петровым в вышеупомянутой статье «Монеты вел. князя Киевского Изяслава Ярославича». Он пишет, что еще в 1890 г. (статья читалась на съезде в Вильне в 1893 г.) ему удалось разобрать загадочные надписи на сребрениках Ярослава II типа, которые он читает как имена Дмитрий и Петр одновременно (стр. 111 его упомина-

нутой статьи). Действительно, чтение Петровым надписей на сребрениках требует для их разгадки и прочтения имен Димитрий и Петр большого напряжения, но, с другой стороны, и чтение их Толстым, как Гюрги и пр., совершенно, по моему мнению, принять нельзя, и я склоняюсь скорее к дешифровке их, данной Петровым, а не Толстым, припоминая, что для некоторых сребреников с именем Владимира требовалось такое же напряжение при восстановлении его имени. Таким образом, Петров читает на сребренике Ярослава I типа имя Петр, а на сребрениках Ярослава II типа — Димитрий и Петр, относя имя Димитрия к Изяславу Ярославичу, а имя Петра к его сыну Ярополку. Почему являются оба имени рядом на монете он не знает, но высказывает предположение, что не хотел ли Изяслав нарушить порядок удельной системы, по которому старшие в роде, напр. братья, занимают великокняжеский престол, а за ними их дети по старшинству, и не хотел ли он сделать престол наследственным для своего рода, а потому и чеканил монету не только со своим именем, но и с именем своего будущего преемника. Притязаниями Изяслава Петров объясняет его удаление с Киевского стола братом Святославом. Таким образом, только в обстоятельствах жизни Изяслава и Ярополка можно найти объяснение чеканки монет с именами Димитрия и Петра, говорит Н. И. Петров.

По поводу единственного сребреника с надписью Петрос Н. П. Ляхачев в «Материалах» (стр. 161) пишет: «Если принять теорию проф. Ляскоронского, что князь Вышгородский (в Вышгороде княжил Ярополк в 1077—1078) становился как бы соправителем вел. князя Киевского, то понятно, что известный сребреник с изображением апостола Петра может быть отнесен к Ярополку Петру, несмотря на его быстрое прохождение по исторической арене».

Некоторые подробности к биографиям Изяслава и Ярополка даются в статье И. А. Линниченка «Новооткрытое свидетельство о времени в. к. Изяслава Ярославича (Археол. Изв. и Зам., 1894, № 11, стр. 329) и в статьях, посвященных пяти миниатюрам в так наз. кодексе Гертруды или рукописной латинской псалтири, писанной по заказу Трирского епископа Эгберта (977—993). Упомянутые 5 миниатюр составляют дополнение к псалтири, исполнены во второй половине XI в., на них имеются изображения Ярополка, его матери и жены (Гр. А. Бобринский. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтыре Егберта, архиепископа Трирского. Зап. Русского Археол. Общ., 1901 г., т. XII;

Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб. 1906 г.).

Из упомянутых 5 миниатюр одна является, можно сказать, немым указанием на неизвестный нам факт из жизни Ярополка: на ней изображен сидящий на престоле спаситель, возлагающий венцы на головы Ярополка и его жены. Не указывает ли миниатюра на факт венчания на княжеский престол Ярополка Петра и его жены Ирины, о котором умалчивают летописи?

В дополнение к вещественным памятникам Ярополка Петра упомяну о двух привесных печатах, относимых Н. П. Лихачевым к Ярополку и изданных им в «Материалах» (стр. 110 и 160).

Фиг. 19 взята с одного из сребреников, относимых Толстым Святополку Ярополковичу (Окаянному), монеты которого описаны в монографии Толстого под №№ 83 сл., изображены на табл. 4, рис. 18 сл. На них автор читает «Святополк на столѣ». Чернев в «Заметках», стр. 30 и сл., не соглашается с чтением Толстым имени Святополка, но своего определенного чтения не дает. На мой взгляд чтение Толстым имени Святополка, особенно по хорошо сохранившемуся экземпляру в «Древнейших русских монетах X—XI в.», стр. 53, табл. XIII, рис. 15—16, допустить вполне возможно, принимая во внимание обычное искажение букв на сребрениках; остается только решить вопрос, которому Святополку должно относиться сребреники.

Рассмотрев надписи на сребрениках третьей группы и родовые знаки на них, я обращаюсь к последним в их совокупности. Все знаки, по их сложности, ранее знаков на сребрениках Ярослава Владимировича отнесены быть не могут, следовательно, знак на фиг. 19 должен быть отнесен к другому Святополку, княжившему позднее Ярослава; такой князь, носивший имя Святополка, был один: Святополк Михаил Изяславич, внук Ярослава Мудрого. Сребреники Нежинского клада с именем Святополка были отнесены Волошинским (назв. соч., стр. IX) этому Святополку, сыну Изяслава. Рассматривая родовые знаки всех трех сребреников, видим необычайную близость рисунка каждого знака к другому, различающихся между собою лишь дифферентами, т. е. значками между лопастями. Сходство знаков заставляет меня видеть во владельцах их очень близкое родство между собою. Если принять определение Н. И. Петрова сребреников Ярослава I и II типов и Волошинского сребреников Святополка, то определения их будут более приближаться к истине, нежели определения Толстого.

Из всего рассмотренного монетного материала устанавливается следующий ряд монет в хронологическом порядке: 1) Изяславу Димитрию, в. к. Киевскому, вместе с его сыном Ярополком Петром, относятся сребреники, отнесенные Толстым Ярославу Владимировичу II типа его классификации. 2) Одному Ярополку Петру, князю Вышгородскому, сребреник, отнесенный Толстым тому же Ярославу I типа. 3) Святополку Михаилу, в. к. Киевскому, сребреник, отнесенный Толстым Святополку Окаянному. 4) Сребреники с именем Владимира первых трех типов классификации Толстого я отношу Владимиру Мономаху, когда он княжил в Чернигове в 1078—1094 гг. в то время, когда киевский стол занимал его отец Всеволод Андрей. 5) Сребреники с именем Владимира, IV типа по классификации Толстого, я отношу Владимиру Мономаху, когда он княжил в Киеве в 1113—1125 гг.

Рассмотрев знаки, главный материал которых дали монеты, перехожу к знакам, находящимся на привесных свинцовых печатях (см. фиг. 21—27 таблички). Рисунки (фигуры) взяты из Альбома к «Материалам для истории византийской и русской сфрагистики» Н. П. Лихачева, первый выпуск которых издан Академией Наук в 1928 г. Пользуюсь Альбомом с любезного разрешения автора.

Фиг. 21 взята с оборотной стороны свинцовой привесной печати, изданной на табл. LIII, 13. В «Материалах», стр. 83, Н. П. Лихачев относит печать вел. князю Всеволоду Ольговичу Черниговскому (1138—1146), сыну Олега Михаила Святославича (1055—1115). Зотов, в труде «О Черниговских князьях», на основании Любецкого Синодика, говорит, что Всеволод Ольгович имел христианское имя Георгий, но Н. П. Лихачев возражает ему, говоря, что в Синодике несомненно описка и что крестильное имя Всеволода было Кирилл, в честь которого им был основан Кириллов монастырь в Киеве. Изображение св. Кирилла Александрийского, патрона Всеволода, находится на лицевой стороне печати. Рисунок знака сходен со знаками третьей группы.

Фиг. 22 взята с оборотной стороны свинцовой печати, лицевая сторона которой имеет изображение св. Андрея Первозванного в рост с крестом на длинном древке (табл. VII, 8). Печать по фактуре и стилю относится к XI в. и, кроме в. к. Киевского Всеволода Андрея (ум. 1093), отца Владимира Мономаха, другому князю отнесена быть не может. Нельзя обойти молчанием другой печати с тем же, повидимому, родовым знаком,

изданной на той же таблице Альбома, рис. 9, но лицевая сторона имеет изображение св. воина в рост; более сохранный экземпляр печати, может быть, укажет отличие от изданного родового знака, а лучшее изображение святого мученика даст его имя. В том же Альбоме на таблицах XLVIII, рис. 4, и XLIX, рис. 16, видим две одинаковые свинцовые печати без родовых знаков с изображениями ап. Андрея и великомуч. Георгия, которые Н. П. Лихачев (Материалы, стр. 74) относят в. к. Андрею Георгиевичу Боголюбскому (1169—1174).

Фиг. 23 взята с печати, изданной в Альбоме, табл. XLIX, рис. 6 (тот же знак находится на пломбах табл. VII, рис. 10, 20, 21); на ее лицевой стороне изображен св. Георгий. Подобный же знак с тем же святым на лицевой стороне находится на табл. XXX, рис. 8, с небольшим отличием на вертикальной дужке знака, на которой отросток находится на правой, а не на левой дужке. По характеру рисунка знак на фиг. 23 может быть отнесен к знаку на фиг. 21, но только он проще и, следовательно, старше. Если знак на фиг. 23 принадлежит князю из рода Святославичей Черниговских, носившему христианское имя Георгия, то такового ранее Всеволода Кирилла Ольговича (его знак на фиг. 21) мы не знаем, так как отец его Олег имел христианское имя Михаил, а его дед Святослав Ярославич по Любецкому Синодику (Зотов. О Черниговских князьях, стр. 33) имел крестильное имя Николая. В Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева издана (табл. XL, рис. 4) небольшая княжеская печать очень тонкой работы с изображением св. Николая и с родовым знаком, к сожалению не вполне сохранившимся, колоколообразной формы, несколько сходным со знаком на фиг. 26 таблички. Было бы вполне естественно эту печать отнести к Святославу Николаю Ярославичу, родоначальнику Черниговских князей, в родовом знаке которого должен быть заметен двузубец, но колоколообразная форма знака очень удаляется от формы знака Ярослава; поэтому я не решился бы отнести печать на табл. XL Альбома, рис. 4, к Святославу Ярославичу. Известен также по Любецкому Синодику (Зотов, назв. соч., стр. 38 и 261) другой Святослав Николай, названный в Синодике великим князем; но Зотов видит в великокняжеском титуле ошибку переписчика и считает Святослава Николая Святославом Давидовичем, князем Черниговским и Луцким. Может быть, этому князю возможно приписать печать с изображением св. Николая и с родовым знаком. Кому же может быть отнесена печать со знаком на фиг. 23 таблички? Припоминая здесь

общее замечание Н. П. Лихачева относительно достоверности синодиков, которые требуют самой внимательной критики (Материалы, стр. 84), позволю себе высказать предположение, не ошибся ли переписчик Любецкого Синодика (назв. соч., стр. 24), когда писал «Великаго князя Николу, Святослава Чернѣговского» (после слова Николу поставлена в Синодике запятая, которую Зотов, назв. соч., стр. 33, считает ненужной), назвав его Николаем, а не Георгием, тем более, что на той же странице Синодика вписан другой Святослав с христианским именем Николай, которого, как я сказал, Зотов считает князем Черниговским и Луцким. Если христианское имя Николай первого в. к. Черниговского окажется опиской, то родовой знак на фиг. 23, сходный в основе (двузубец) со знаком Ярослава, и изображение св. Георгия на лицевой стороне печати исправляют ошибку переписчика Синодика, назвавшего родоначальника Черниговских князей Святослава Ярославича Николаем вместо Георгия. Здесь считаю уместным упомянуть, что родовой знак на фиг. 23 находится на товарных пломбах, изданных в Альбоме на табл. VII, рис. 16, 20 и 21.

Фиг. 24. Родовой знак взят с одной из двух свинцовых печатей с такими знаками и с изображением архангела Михаила (Альбом, табл. VII, рис. 10, 11; XL, рис. 3, и XLIX, рис. 5). В то же время подобный знак находится на другой привесной печати, изображенной в Альбоме на табл. LIV, рис. 5, но с изображением святого в рост; к сожалению неудовлетворительная сохранность надписи на этой печати не позволяет определить имени святого. Почему один и тот же знак принадлежит, судя по изображениям разных святых, разным князьям, объяснить не могу. Характер рисунка знака на фиг. 24 заставляет меня отнести его к Черниговским Святославичам, среди которых имя Михаил послал Олег Святославич, занимавший столы в Чернигове и Тьмутаракани.¹ Об Олеге Святославиче говорится в Слове о полку Игореве, где он назван Гориславичем. Прозвище «Гориславич» Н. П. Лихачев (см. Материалы, стр. 138) объясняет по злоключениям, постигшим его, а также оно могло быть навеяно его происхождением от прабабки Гориславы Рогнеды, жены св. Владимира.

Фиг. 25. Знак взят со свинцовой печати, изображенной в Альбоме табл. VII, рис. 5, на лицевой стороне которой изображен св. Дмитрий:

¹ От времени его княжения в Тьмутаракани сохранились серебряные монеты с изображением архангела Михаила и с надписью «Господи, помози Михаилу». Изображение монеты см. в «Материалах» Н. П. Лихачева, стр. 145, рис. 67.

Солунский в рост. Необычная форма знака, непохожая ни на один из предыдущих знаков, ставит меня в затруднение, какому князю его отнести. Имя Дмитрия носил князь Черниговский Святослав Владимирович; в Любечком Синодике (Зотов. О Черниговских князьях, стр. 86—87 и 241) он отнесен к XI колену от Рюрика, но, повидимому, князья XI колена уже не изображали родовых знаков на печатях, так как все изданные на табличках родовые знаки принадлежат князьям с V по VIII колена включительно. Какая причина прекращения родовых знаков на печатях, сказать затрудняюсь. Случайность ли это или она имела связь с нашествием татар, которое произошло когда княжили князья X колена от Рюрика? Вопрос этот, надеюсь, можно будет решить при более обильном материале памятников с родовыми знаками. Кроме Святослава Владимировича то же имя Дмитрия носил вел. князь Владимирский Всеволод Георгиевич Большое Гнездо, сын в. к. Юрия Долгорукого, относящийся к IX колену, которому я предположительно и отношу знак на фиг. 25. Здесь отмечу более ранний тип этого знака, без верхней черты, изображенный на пломбе фиг. 33 таблички. Если знак на фиг. 25 принадлежит в. к. Всеволоду Большое Гнездо, то знак на фиг. 33, как более простой, может принадлежать одному из его братьев, так как его отцу в. к. Юрию Долгорукому я отношу знак на фиг. 27. Тот же знак фиг. 25 находится: а) на пломбах Альбома табл. XLVII, рис. 2 и 17; табл. VIII, рис. 23—26, и б) на привесных печатях Альбома, табл. VII, рис. 4, 6 и 7, но с изображением на лицевой стороне архангела; это уже второй случай, когда один и тот же знак находится на печатях, принадлежащих князю с другим именем.

Фиг. 26. Родовой знак колоколообразной формы взят с небольшой свинцовой печати (для пломбы она велика), изображенной на табл. VII, рис. 12 Альбома, на обороте которой изображен архангел, и с пломб на той же таблице, рис. 19, 22, 23. Повидимому, тот же знак видим на обломке привесной печати, изображенной на рис. 13 той же таблицы Альбома с неизвестным святым в рост; к сожалению, плохая сохранность печати не позволяет сказать о ней что либо положительное; также форма знака, не похожая ни на один из рассмотренных, не позволяет определить, кому из Рюриковичей он может быть отнесен.

Фиг. 27. Знак взят с печати, изображенный в Альбоме, табл. VII, рис. 2. Судя по величине, печать великокняжеская. На лицевой стороне изображен св. Георгий в рост. Стилль печати допускает ее отнести к XII в.

Из великих князей того времени, тезоименитых влч. Георгию, был сын Владимира Мономаха в. к. Юрий Долгорукий; другой его сын Мстислав носил крестильное имя Феодора, что знаем из записи на Мстиславовом Евангелии, хотя в ПСРЛ, т. III, 213, сказано, что он при крещении назван Георгием; следовательно печать со знаком на фиг. 27 можно отнести вел. кн. Юрию Владимировичу Долгорукому. Тому же князю Н. П. Ляхачев относит другой тип печати в «Материалах», рис. 37, стр. 81. Вполне возможно допустить, что Юрий Долгорукий мог иметь печать как с родовым знаком, так и с изображением своего патрона.

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов о памятниках, не относящихся ни к монетам, ни к привесным печатям, но внешним образом сходных с теми и другими: о товарных пломбах. При слабой разработке вопроса о пломбах, находимых на территории Союза, все же нельзя обойти их молчанием в виду сходства многих, видимых на них, знаков с родовыми знаками как на монетах, так и на привесных печатях.

В труде К. В. Болсуновского «Дрогичинские пломбы» (Киев, 1894 г.), в первой главе автор дает обзор взглядов на пломбы русских ученых: гр. Тышкевича, Ефименко, Авенариуса, Леопардова, Лучицкого и некоторых западных авторов. Я не буду излагать их взглядов, скажу лишь, что присоединяюсь к тем, которые характеризуют пломбы, как товарные. Наибольший интерес в пломбах для меня представляет тот их отдел, который имеет знаки, считаемые мною за родовые. Для нашей таблички я старался выбрать такие, которые более или менее доступны объяснению (фиг. 28—34). Судить о них я могу только по их внешнему сходству; другого, научного, определения я дать не могу. На мой взгляд, знаки на фиг. 28—31 напоминают знаки Рюриковичей рода Святослава Черниговского, знак на фиг. 33 я приписываю также Рюриковичу, он представляет нижнюю часть того знака, который изображен на фиг. 25, относимого мною в. к. Всеволоду III Большое Гнездо. Объяснить такое сходство знаков на пломбах со знаками на привесных печатях возможно только предположительно, исходя из того соображения, что Дрогичин или Дорогичин, как он называется в летописях, находился под властью русских князей, которая была сменена литовскою. Исторические судьбы Дрогичина кратко изложены Авенариусом (Древности юго-западного края, т. I, СПб. 1890 г.) с указанием летописной и другой литературы. Болсуновский (назв. соч., стр. 71) из перехода власти в Дрогичине от одного княжества к другому, заключает,

что влияние разнородных политических центров должно было отразиться и на пломбах. Значительное количество найденных в Буге пломб указывает, что по реке проходил торговый путь, и в Дрогичине была таможня, хотя Авенариус (назв. соч., стр. 18) это отрицает, но много предположения, по моему, здесь сделать нельзя. Разнообразие типов найденных пломб заставляет Болсуновского высказать следующие предположения: 1) пломбы с буквами кирилловского алфавита указывают на происхождение их отсюда, где употреблялась кириллица: княжеств Киевского, Галицкого и отчасти Литвы; 2) влияние Польши сказывается на пломбах с латинским алфавитом и с орлами ягеллоновского типа. В другой, польской, статье «Znaki pieczętnie na ołowiu» Болсуновский видит на многих пломбах изображения польского характера, определяя на некоторых польские гербы. Взгляд Болсуновского на изображения на пломбах в основе кажется мне верным, и я считаю допустимым видеть русские пломбы со знаками Рюрикovichей на товарах, привезенных из великих княжеств Черниговского или Киевского. Почему на некоторых пломбах находится на одной стороне знак Рюрикovichей, а на другой или голова святого, или буква кириллицы, или крестик и т. п., другими словами, имеет ли на них такую же связь изображение одной стороны с другой, как на привесных печатях, сказать, по недостаточности материала, пока нельзя. Но товарные пломбы с родовыми княжескими знаками дают мне повод предположить, не прикладывались ли они к товарам или имуществу, принадлежавшим князю?

Знаки на фиг. 28—34 взяты со следующих рисунков Альбома Н. П. Лихачева: фиг. 28 с табл. XLVII, рис. 7; фиг. 29 с табл. XXV, рис. 34; фиг. 30 с той же табл., рис. 30; фиг. 31 с той же таблицы, рис. 31; фиг. 32 с табл. VIII, рис. 27, и табл. XXI, рис. 5; фиг. 33 с табл. VIII, рис. 23; фиг. 34 с табл. XLVII, рис. 20.

Бросив взгляд на собранный материал, я прихожу к следующим выводам. Рассмотренные памятники с родовыми знаками позволили мне усмотреть в них некоторую систему их построения, устанавливающую хронологию первых чеканных русских монет. Знаки на монетах принадлежат князьям рода Рюрика, что подтверждается надписями около знака: «се его (т. е. Владимира) серебро» или «Ярославле серебро»; надписи этим знаком и утверждаются. Таким образом, знак и надпись в совокупности указывают, что право чеканки монеты принадлежало князьям, другими словами, чеканка

монет была княжескою регалиею. Принцип знаков одного рода состоит в том, что знак основателя рода переходит к его преемнику с дополнением или с частичным изменением, но так, что основной знак родоначальника остается заметным. Первоначальный знак всякого рода, как это видим у германцев и у тех из наших племен, у которых еще сохранилось родовое начало, был всегда простой; из наших знаков, которые видим на монетах, я считаю простейшим, сравнительно с другими, знак на монетах Ярослава; однако видимая сложность знака не позволяет считать его основным, и знак его отца, св. Владимира, несомненно был проще, но такой нам неизвестен. Если принять предположительно за прототип знаков рода Рюриковичей знак на фиг. 1 таблички в форме двузубца, взятый с привесной печати с надписью, которую я прочесть не мог, то можно себе представить знак Владимира, отца Ярослава. Рассматривая изданные на табличках знаки, можно усмотреть первоначальную основу знаков, имеющую форму двузубца на тех, которые изображены на фиг. 2 по 24 включительно. Эти знаки, как содержащие основной с двузубцем, я бы назвал родовыми. Знаки на фиг. 25, 26, 27 и 33 отличаются от первых 24 тем, что основу их усмотреть невозможно; нельзя ли поэтому четыре упомянутых знака считать предположительно личными или принадлежащими другой ветви Рюриковичей?

Благодаря знакам и именам князей на монетах, возможно было установить последовательный порядок чеканки монет в Киеве, начиная с Изяслава Ярославича, первого Киевского князя, чеканившего монеты, и предположить возможность чеканки монет Владимиром Мономахом не только в Киеве, но и в Чернигове. Монеты Ярослава Владимировича чеканены в Новгороде, когда он там княжил; в Киеве, повидимому, он монет не чеканил. Некоторое затруднение для объяснения представляют сребреники с именами, судя по чтению Н. И. Петрова, Дмитрия и Петра, и единственный известный сребреник с именем Петра (христианское имя Ярополка), который, как князь Вышгородский, большого значения не имел; поэтому для объяснения этих сребреников, приходится повторить слова Н. И. Петрова, что только в событиях жизни Изяслава и Ярополка можно искать этого объяснения.

Знаки имели юридическое значение: наложением знака на монеты утверждалась собственность князя; то же можно сказать про кирпичи со знаками, которые могли изготовляться на княжеском заводе. Знак на

перстне являлся хирографом князя, т. е. заменял его подпись. Знак на привесной княжеской печати понятен: он также заменял княжескую подпись, но как понимать родовые княжеские знаки на товарных пломбах, объяснить затрудняюсь, но предполагаю, однако, что пломбы с этими знаками накладывались на имущество или на товары, принадлежавшие князю.

Москва,
февраль, 1929 г.

Оглавление — Sommaire

	СТР.		РАС.
М. М. Покровский. А. А. Грушка. Некролог	79	*M. Pokrovskij. A. Gruška. Nécrologie	79
С. Ф. Платонов. А. Е. Пресняков. Некролог	83	*S. Platonov. A. Presniakov. Nécrologie	83
А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам (с 34 фиг.)	87	*A. Orešnikov. La classification des plus anciennes monnaies russes selon les marques de famille (avec 34 fig.)	87
А. А. Грушка. Максим Горький как толкователь Аристотеля. К теории трагического „очищения“	113	*A. Gruška. Maxime Gorki comme interprète d'Aristote. Contribution à la théorie de la „catharsis“ tragique	113
Н. Кано. О фрагменте старой рукописи „Литературного сборника“ 文選 хранящегося в Азиатском Музее Академии Наук. Перевод с китайского Ю. К. Щудцкого	135	*N. Kano. Sur le fragment du manuscrit ancien du „Recueil de pièces choisies de littérature“ 文選 conservé au Musée Asiatique de l'Académie des Sciences de l'URSS. Traduit du chinois par J. Ščuckij	135
М. А. Шангин. Gergis Philosophus, Liber de astronomiae disciplinae peritia	145	*M. Šangin. Gergis Philosophus, Liber de astronomiae disciplinae peritia	145
Приложение. Список новых изданий Академии Наук СССР, вышедших в январе 1930 г.		*Annexe. Nouvelles publications de l'Académie des Sciences de l'URSS, parues en janvier 1930.	

Заглавие, отмеченное звездочкой, является переводом заглавия оригинала.

Le titre marqué d'un astérisque est une traduction du titre original.

Цена 1 руб. 50 коп.